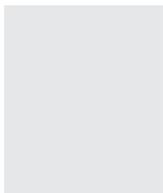

Одиночество и грёзы

Виктор Слипечук

Родился 22 сентября 1941 г. в селе Черниговка Приморского края. Член Союза писателей СССР с 1982 г., автор многих повестей, рассказов, очерков. В настоящее время в издательстве «Художественная литература» выходит собрание сочинений писателя в восьми томах. В июне 2022 года удостоен Евразийской литературной премии «Новый Сказ» памяти П. П. Бажова: диплом лауреата Гран-при конкурса в номинации «Проза» с присвоением звания «Мастер литературных шедевров» и вручением кубка «Стеклянная жемчужина» за сборник фантастики «Одиночество и грёзы».

Он стоял у избы. Капли дождя, залетавшие под напуск тесовой крыши, расплзались по отмостке, словно капли времени, овладевавшие его звездолётом. Тогда он вот так же стоял, прижавшись спиной к экранолокатору, гасящему чужие вибрации, и капли времени, словно капли дождя, обходя его, овладевали земным пространством.

Это пространство в безднах чужих галактик было меньше самой маленькой капли. И он понимал, что, как только эта капля исчезнет, исчезнет и он, и все земные предметы, и сам корабль, этот звездолёт — чудо земной технической мысли, предметно воспроизводимой лишь на уровне гениальных нанотехнологий. Всё это исчезнет. То есть приобретёт другие, несвойственные им вибрации и выпадет из земного времени. И, стало быть, навсегда утратится для самих себя. То есть станут другими, как и он, научившийся не только различать напряжённость космических вибраций, но и чувствовать неуловимое веяние света, всегда направленное в сторону Главного Аттрактора. Это новое чувство ему подарил Космос.

Отмостка всё более и более темнела, а на душе становилось пустынно и одиноко.

Он почувствовал, что звездолёт, исполненный как продолжение его органов чувств, стал энергетически сдуваться, словно проколотый мяч. Всё вокруг уменьшилось и продолжало уменьшаться, и только земное время, бегущее в корабельном хронометре, каким-то образом проникало в его мозг и, словно бы усилившись, спешило обратно на пульт управления.

— Осталось семь секунд. Одна сто шестнадцатая минуты... Одна девятнадцатидесятитысячная часа... Одна...

— погоди, хронометр, ты умеешь говорить человеческим языком?

— Здесь все предметы с Земли сейчас могут говорить всеми человеческими языками, потому что язы-

ки умерли. Мы вернулись или приблизились ко времени, когда слов не было, а было состояние понимания, которым человек воспользовался — придумал слова, сосредоточил на себе планетарное сознание и земное время.

— Да-да, это Бог привлёк человека, чтобы он дал имя каждому животному и каждому предмету и мог на равных входить с ними в общение. Это была большая победа.

— Но и большое поражение, потому что в скорлупе своего времени язык таил преграду инопланетному пониманию. А сейчас мы вырвались из заточения земного времени, заключённого в сосудах слов, и говорим на одинаково нисходящей волне энергии космоса, то есть мы обесточиваемся до вселенского уровня.

— Но почему так медлительны секунды, как будто в них дни или даже года?

— Это потому, что, обесточиваясь, земную последнюю каплю времени звездолёт отдаёт тебе. Для твоего последнего желания, в котором все земные предметы надеются состояться.

— Выходит, есть надежда, что через семь секунд звёздолёт преодолеет чужой временной барьер и мы в итоге найдём дорогу домой?

— Нет, это твоё время. Твои последние семь секунд, которые ты волен использовать по своему усмотрению.

— Хорошо-хорошо, поспеши на пульт.

— Но в этом нет необходимости. Осталось три секунды земного времени, а мне, как хронометру, надо на одну десятую больше, чтобы ещё раз вернуться и донести всем предметам твоё последнее желание. Потому что, оберегаемые мною, они уже давно ждут тебя, они ждут, чтобы стать неопровержимой временной сущностью звездолёта.

— Выходит, есть надежда, а стало быть, и вера в меня?

— Да, мы, неодушевлённые предметы, верим в тебя, потому что одухотворены тобою. Мы избрали твою позицию, позицию верующего человека. Она представляется нам твёрже позиции атеиста. Все наши выкладки подтверждают, что лучше иметь надежду и обещание, чем не иметь и этого.

— Но что можно сделать за три секунды?

— Последние секунды состоят из земной материи, и они действительно длиннее дня, потому что твоя мысль быстрее скорости света и быстрее времени.

— Нет-нет, хронометр, то, что ты имеешь в виду, — это вездесущность, а она подвластна только Богу.

— В последнюю долю секунды Ты станешь Богом, потому что круг твоей жизни сожмётся в такую маленькую точку, в которой даже самому ничтожному насекомому не составит труда стать вездесущим. В последний момент его лапки будут видны за линией горизонта и предстанут многотонными столпами великана, спустившегося с небес. А ты — Человек, твои чувства и мысли будут изливаться в чужие миры из этой маленькой точки, словно из переполненной чаши. Та же теория большого взрыва, в которой плотью вещества, расширяющего пространство, предстанут не материальные субстанции, а магнетизм сознания, улавливающего излучение бегущей мысли.

— Я никогда не стану Богом. И смею полагать, что человек никогда не станет Богом. И, слава богу, что я это понимаю. Человек может только приблизиться к Богу, именно это, хронометр, стало ловушкой твоим расчётам, ты слишком уверовал в бесконечность движения и в бесконечность времени. Но именно здесь и явствует великая истинность

апории Зенона Элейского, что быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху. И всё же я верю твоим расчётам — у меня уйма времени?

— Да, у тебя уйма времени, — не колеблясь, возвестил хронометр.

Он усмехнулся.

— В таком случае, и ты, и все предметы, не пропустите заветной встречи с Богом. А мне самое время уяснить — к чему тяготеет душа, когда ей дана вездесущность.

И ушло изображение хронометра и пульта, и самого звездолёта под какими-то движущимися световыми арками, заполненными серебристыми облаками, в пространстве которых вспыхивали как бы блуждающие огни фейерверка.

И он почувствовал — время исчезло. Так было и прежде, когда являлась она. Так произошло и сейчас.

Он увидел её. Она стояла возле новогодней ёлки в окружении подруг. На ней было золотистое атласное платье в лепестках повилики, собранной в венки, на которых мелкие ярко-белые цветики сияли словно россыпи звёзд. Белые туфли и белый широкий пояс по талии. Такие же белые шёлковые перчатки и чёрная сверкающая алмазами полумаска, сдвинутая на туго затянутый узел светло-русых волос.

Слушая подруг, она улыбалась, и вдруг глаза их встретились. Между ними словно пробежал электрический импульс. И они, как два сомнамбула, ведомые необъяснимым магнетизмом, потянулись друг к другу. Нет-нет, ещё не здесь, а там, в отдалённых потоках сознания. Да-да, что-то помимо их воли сообщилось, и сердце воскликнуло:

— Ты есть! И это ты!

— Да, я есть! Да, это я! — отозвалась она с такой радостью, что он почувствовал в себе как бы эхо её восторга. Эхо, которое вдруг наполнилось радостью узнавания, что она — это она. Узнавания, которое вдруг раздвинуло мир, и он почувствовал, что у мира нет границ, но душа легко охватывает его, потому что сама неохватна.

Что это было? Необъятное пространство? Или пространство всех возможных пространств, пронизанное и сотканное из вещества сознания?

— Ты есть! И это ты!

— Да, я есть! Да, это я!

Словно блики света, они неслись навстречу друг другу и, сталкиваясь, радужно рассыпались по веществу, сделанному из таких же, как и они, бликов. Бликов, почему-то уснувших и вдруг отозвавшихся на их электрический импульс. Это был танец движения света, когда на затемнённом зеркальном глобусе блики вспыхивали и исчезали, вспыхивали и исчезали, и вдруг вновь рождались и, сталкиваясь, рассыпались на множество разноцветных лучей.

А здесь, под новогодней ёлкой, в актовом зале института, ударник джазового оркестра как бы пробежал дробью по головам и зыкнул тарелками.

И на затемнённом глобусе разом активировались и засияли все блики. Они засияли словно солнце.

«О, я люблю тебя, Вишнёвый сад», — запели кларнеты студенческого джаза. И маски, плотной стеной отозвавшиеся на музыку, бесцеремонно подтолкнули его, и он сказал — разрешите! Она в ответ засмеялась, и этот смех ослепил его, то есть там, где пребывало сознание, он увидел прямо перед собой солнце.

Подруги ретировались, и они в этом переполненном актовом зале вдруг остались одни. (Два космических блика — неожиданно-негаданно слетевших с небес.)

— Вы всех так бесцеремонно приглашаете? — спросила она и, чтобы он не увидел её необъяснимой радости, тут же опустила сверкающую полумаску на глаза.

— Да, он такой, всех так бесцеремонно приглашает, — сказал он о себе в третьем лице.

И стал заливать, то есть врать, как врут завзятые рыбаки и охотники.

Она узнала, что он опаснейший сердцеед, перед которым все донжуаны мира есть только бледная тень. Он заливал весело, с поговорками и пословицами, и отчётливо видел (полумаска не могла скрыть), что она не верит ни единому его слову. И это особенно пленило и воспламеняло. Он шутил, смеялся над своими вымышленными победами, а когда иссякал, она неожиданно остроумно подыгрывала ему — «О, есть у нас Вишнёвый старый сад — зовёт под розовую тень!».

Когда музыка закончилась и по правилам приличия он должен был расстаться с нею в угоду подружкам, нетерпеливо подзывавшим её, он неожиданно для себя сорвал с ёлки игрушку — серебряную белочку, грызущую золотые орешки на фоне зелёного кедрового домика.

— Пожалуйста, примите эту кражу со взломом, — умоляюще сказал он.

И она испугалась.

— Мы что же, никогда больше не встретимся?!

Он поднял голову. Сквозь облачные расслоения вырывались штандарты солнечных лучей. Вдали на тёмно-синей полосе горизонта зажглись две прямых коротких радуги. Такое впечатление, будто стоят два человека, объятые аурой, — взрослый мужчина и мальчик, пригодишник. И он вспомнил, как много-много лет назад его сын нарисовал точно такие радуги и сказал:

— Это ты и я — мы на новом небе новой земли.

В единый миг он почувствовал и горечь, и радость — сын понимает его. Он тогда улетал на Проксиму Центавры на поиски так называемых кочующих планет. Тогда никто не предполагал, что они созданы искусственным разумом. Более того, не было никаких свидетельств, что они вообще существуют.

Радуги стали, как бы выцветая, бледнеть и наконец исчезли. Горизонт, вспухая, приблизился, и капли, налившись, замерли. Ни ветерка, ни шороха. Всё умерло. И вдруг ветер мощным порывом пробежал по макушкам деревьев и сгас. День потемнел, и сразу раздался приближающийся рокот грома. В стригущем движении молний свод неба задрожал и, словно сорвавшись с цепей, обрушился белым ливнем.

Направляясь к беседке, увитой плющом, он съёжился, представил, как холодные ручейки побегут за шиворот. Но ливень не коснулся его. Он словно бы находился под прозрачным стеклянным куполом.

Служба охраны интеллектуальной собственности, СОИС, использует возможности его звездолёта так, словно это не Земля, а какая-то чужая планета. Они всё знают о нём и почему-то не отпускают его. Нет-нет, они не нарушают его свободы воли, считаются с законами, которые были выработаны для таких, как он, исследователей дальнего космоса. Со временем эти законы стали основой нравственных тяготений. Но он не исключал и того, что человеческие возможности, в том числе и биологические, с тех пор значительно возросли. Во всяком случае, неминуемо претерпели изменения, и, возможно, его нравственные тяготения не вписываются в нынешние постулаты. Всё как бы то же самое, но на другой

ступени понимания. Они говорят, что по биологическому времени ему шестьсот лет, а по старому земному летоисчислению более десяти тысяч. За свою жизнь он насмотрелся всего, его невозможно удивить. И всё же он удивился. Оказывается, по земному сегодняшнему времени ему всего пять лет. Впрочем, как раз в этом нет ничего удивительного, ведь со времён его отсутствия летоисчисление на Земле менялось трижды.

Он вошёл в пространство беседки к плетённому из прутьев шезлонгу-качалке. Ему нравилось, покачиваясь в нём, слушать, как вода позванивает в водосточных трубах и, булькая, изливается в каменный жёлоб. У так называемой водонапорной башни (отрезок металлической трубы, выдвинутый из другого пространства и висящий в воздухе) вода разбегалась на сеть мельчайших ручейков, которые за счёт искусственной гравитации текли вверх и вниз, орошая каждое дерево дендропарка.

Он бывал здесь с нею. Когда никто и слыхом не слыхивал, что гравитация создаётся в том числе и психической энергией и, может, как статичное электричество, использоваться на бытовом уровне. Впрочем, разве комфорта было меньше, оттого что деревья орошались в согласии с простой непреложной истиной — вода всегда течёт вниз.

Он улыбнулся — ему пять лет. И всё же в биологические пять лет он был полон вопросов, ему до всего было дело. А сейчас даже представить не может, что могло бы его заинтересовать. Он прислушался к себе как корабельному хронометру. Увы, он не слышал ничего. В электронном чреве корабля, неразрывно связанном с ним психической энергией, сейчас на все его вопросы возникают молниеносные ответы, опережая и исчерпывая самую возможность вопросов.

Да, это так. Все вопросы гасятся знаниями космоса, в который благодаря проекту поиска искусственных планет была принята Земля. Его сравнивают с Юрием Гагариным — первооткрыватель эры Космического Сознания, в котором нет степеней: этот выше, а этот ниже. Этот живёт в особом доме, имеет особую ракету, летает какими-то особыми путями, так что все преклоняются перед ним. Нет! У всех равнозначная работа, а высшее благо — Любовь.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто»*.

И он опять увидел её. Она стояла вдаль, в глубине колоннады, прислонясь к колонне. Её не должно было быть, они условились, что на причал расставаний она не придёт. Они отвезут сына к бабушке и, как обычно, разъедутся — она поедет в институт, а он сюда, чтобы следовать к звездолёту и отчалить, как она говорила, в свой дальний космос.

Народу было слишком много. Все теснились к машинам сопровождения. Выступления первых лиц проекта. Краткие, пафосные напутствия. А особенно восторженные взгляды многочисленных почитателей, обращённые в его сторону, не оставляли времени ни на что личное. Впрочем, всё это они предвидели, когда решили, что она не придёт на причал. Но даже не это было главным. Оберегая её и сына, он пытался придать расставанию статус обычного, незначительного, как бы несвязанного с дальним космосом. И вдруг — она здесь. Он совершенно случайно по-

смотрел вглубь колоннады. Он не должен был туда смотреть. Тем более что его приглашали сняться в коллективном фото рядом с президентом. Но он посмотрел, и между ними пробежал внезапный импульс. Какой-то внешний, как будто бы к нему не относящийся. Он опустил глаза. И вдруг увидел солнце, и всё в нём вскинулось — «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!». Блики света вошли друг в друга, и, кажется, она вскрикнула или ему показалось?!

Он поднял глаза и на экранолокаторе увидел её всю-всю из той первой встречи. Она летела к нему радостным бликом его очнувшегося сознания.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит.

Любовь никогда не кончается...»**

Он увидел себя с новогодней игрушкой серебряной белки и услышал её: «Мы что же, никогда больше не встретимся?!»

Он стоял возле экранолокатора и чувствовал себя растерзанным. Потом, отделяя каждое слово выверенными паузами, исключаящими иное толкование, он приказал весь запас времени, имеющийся у звездолёта, употребить на исправление своего поведения на причале. Хронометр не возражал, но сообщил, что изменённое поведение никоим образом не скажется на исчезающем времени и лишь напрасну истратит его. Дальний космос поглотит их, они не успеют даже вымолвить, что они с планеты Земля.

На экранолокаторе появились очертания каменной колоннады и — она. И сразу — он. Он не по-

зволил ей испугаться: «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!»

На ней было золотистое атласное платье в лепестках повилики, белые туфли и белый широкий пояс по талии. Такие же белые шёлковые перчатки и чёрная сверкающая алмазами полумаска, сдвинутая на туго затянутый узел светло-русых волос.

Слушая подруг, она улыбалась, и вдруг глаза их встретились. И он почувствовал, что они рядом, что они вместе, что они одно целое. «О, есть у нас Вишнёвый старый сад — зовёт под розовую тень!».

Он шагнул в пространство экранолокатора и уже не мог видеть, что глобус хронометра, вдруг солнечно вспыхнув, стал темнеть. Темнеть и таять, сжимаясь в плазменный шар. Шар уменьшался и оттого как бы прибавлял яркости — противление света, пожирающей сути хаоса. Последний пронзающий блик и — взрыв.

— Ты — есть! И ты есть — я!

Почувствовав эхо её восторга, он пришёл в себя. Сколько пребывал в забытии — не помнил. Хронометр бесстрастно повторял, что они преодолели временной барьер и со скоростью мысли возвращаются домой, на родную Землю.

Он окинул рассеянным взглядом мокнущее пространство сада и, слегка качнувшись, почувствовал ребристую твёрдость подлокотников.

Наверное, уют земного дома — и в этой беседке, и в этом плетённом из ивовых прутьев шезлонге? Во всяком случае, у него есть возможность поселиться в любом уголке своей памяти.

Он улыбнулся и прежде, чем подумал об адресе, услышал музыку студенческого джаза «О, я люблю тебя, Вишнёвый сад!..» **VC**

* 1-е коринфянам, гл. X111, 1,2.

** 1-е коринфянам, гл. X111, 4-8.